

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ имени О.Е. КУТАФИНА»

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: РОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

*Материалы III совместного
российско-германского круглого стола*

12 октября 2011 г.

МОСКВА 2012

УДК 343
ББК 67.408
У 26

Редакционная коллегия:

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук,
профессор **А.И. Рарог** (*ответственный редактор*);
доктор юридических наук, доцент **Г.А. Есаков**
(*ответственный редактор*)

*Редакционная коллегия и авторы выражают свою признательность
системе «КонсультантПлюс» за информационно-правовую поддержку
при подготовке настоящего сборника.*

Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт:
материалы третьего совместного российско-германского круглого
стола. — М.: ООО «Изд-во “Элит”», 2012. — 248 с.

Сборник содержит материалы третьего совместного российско-германского круглого стола, посвященного проблемам борьбы с преступлениями в сфере экономики (Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина, 12 октября 2011 г.), в котором приняли участие ученые из Российской Федерации и ФРГ. Материалы круглого стола посвящены преимущественно разным аспектам преступлений в сфере экономики и в том числе вопросам уголовной политики в этой области, законодательной техники, зарубежного и европейского уголовного права.

Материалы сборника представляют интерес для научных и практических работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся новейшими исследованиями в области российского и зарубежного уголовного права.

© МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2012

ВИНА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ)

Г.А. Есаков,

д-р юрид. наук, профессор

(МГЮА имени О.Е. Кутафина)

Учение о субъективной стороне состава преступления, в целом являющееся относительно стабильным в доктрине уголовного права, на своей «периферии» включает в себя несколько сложных проблем, которые в итоге изнутри «размывают» фундамент этого учения.

К числу таких проблем относится понимание некоторых вопросов вины в преступлениях в сфере экономической деятельности, и в настоящей статье¹ будет представлено их обобщённое изложение, не претендующее на полноту и призванное лишь подвести некий промежуточный итог в теоретических дискуссиях.

Следуя догмам УК РФ, вина в указанных составах может быть тезисно описана в таком виде. Составы, являющиеся согласно УК РФ формальными, могут совершаться либо с прямым умыслом, либо (исходя из ч. 2 ст. 24 УК РФ и в отсутствие иного решения законодателя) по небрежности.

Небрежная форма вины при этом мыслимо конструируема в приложении ко многим из таких составов, хотя звучит соответствующая формула почти всегда абсурдно. Например, лицо не осознаёт, что приобретает, хранит, перевозит, т.п. немаркированные товары и продукцию, которые подлежат обязательной маркировке марками акцизного сбора, специальными марками или знаками соответствия, защищенными от подделок, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности может и должно это сознавать (ст. 171¹ УК РФ); лицо не осознаёт, что уклоняется от уплаты таможенных платежей, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности может и должно это сознавать (ст. 194 УК РФ).

¹ Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

Составы, являющиеся согласно УК РФ материальными, допускают как общее правило все четыре разновидности форм вины, если иное не следует из текста уголовного закона. Например, лицо осуществляет предпринимательскую деятельность без регистрации, предвидя реальную возможность или неизбежность наступления общественно опасного последствия в виде крупного ущерба и желая его наступления (варианты: предвидя реальную возможность наступления общественно опасного последствия в виде крупного ущерба и не желая, но сознательно допуская либо безразлично относясь к его наступлению; предвидя возможность наступления общественно опасного последствия в виде крупного ущерба и без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывая на предотвращение этого последствия; не предвидя возможность наступления общественно опасного последствия в виде крупного ущерба, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно и может это предвидеть).

Именно такая линия рассуждений прослеживается во многих учебниках уголовного права, когда при описании признаков субъективной стороны составов соответствующих преступлений авторы, не задумываясь, воспроизводят постулаты Общей части УК РФ.

Вместе с тем подобные подходы представляются не вполне безупречными, и в этой связи отрадно отметить, что в последнее время проблема вины в преступлениях в сфере экономической деятельности всё более активно обсуждается в литературе. Остановимся и мы на некоторых моментах.

1. Неосторожность в составах преступлений в сфере экономической деятельности. В настоящее время наиболее аргументировано выступает в пользу допущения неосторожности в указанных составах И.А. Клепицкий. По его мнению, «зарубежный опыт показывает, что эффективная борьба с хозяйственной преступностью невозможна иначе как путем установления жестких требований к предпринимателям и хозяйственным руководителям, с тем чтобы они, осуществляя деятельность в сфере народного хозяйства, уважали права и законные интересы других участников рынка, потребите-

лей и общества в целом»¹. Эти жёсткие требования сводятся, в том числе к уголовной наказуемости неосторожных противоправных деяний, например неосторожного банкротства: «...неосторожное банкротство более опасно, чем уничтожение и повреждение имущества по неосторожности, так как поражает не только имущественные интересы кредиторов, но народное хозяйство в целом, подрывая доверие к кредитным отношениям и лишая экономику необходимых для ее успешного развития материальных ресурсов. ...именно криминализация “неосторожного” банкротства позволит эффективно бороться с широко распространенными в России преднамеренными банкротствами»². Анализируя некоторые составы преступлений из главы 22 УК РФ, он прямо указывает, что они и в действующей редакции уголовного закона могут рассматриваться как неосторожные (например, ст. 171³, 185⁴ и др. УК РФ). С точки зрения действующей редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ, определённый фундамент для таких утверждений имеется. Вместе с тем следует всё-таки задаться вопросом о том, насколько такая реальная или потенциальная (поскольку И.А. Клепицкий призывает к расширению числа неосторожных преступлений в главе 22 УК РФ) криминализация неосторожных деяний социально оправдана. Отвечает ли задачам УК РФ и требует ли задействования уголовных механизмов неосторожность в этой сфере? К сожалению, убедительных именно теоретических доводов в пользу такого подхода практически не встречается. Ссылки на зарубежный и исторический опыт (делаемые И.А. Клепицким) сами по себе ещё не являются определяющими; а вот правилом ограничения уголовной ответственности за неосторожность⁵, ставшим сегодня мировой тенденцией, пренебрегать не следует. Ссылка же на ч. 2 ст. 24 УК РФ,

¹ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 62–63.

² Там же. С. 301.

³ См.: Там же. С. 148–149.

⁴ См.: Там же. С. 204–205.

⁵ См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 106–107.

по справедливому замечанию Б.В. Волженкина, не может быть определяющей, потому что «диспозиции подавляющего большинства статей гл. 22 УК были сформулированы в период действия прежней редакции ч. 2 ст. 24 УК, что недвусмысленно свидетельствует о намерении законодателя считать описанные в них общественно опасные деяния умышленными преступлениями»¹.

По нашему мнению, применительно к действующей редакции главы 22 УК РФ неосторожность как форма вины недопустима. Иное решение по меньшей мере должно быть (а) недвусмысленно обозначено законодателем, (б) сопряжено с защитой действительно значимого социального интереса и (в) влечь дифференциацию уголовной ответственности за умышленное и неосторожное совершение деяния. (Отметим, что в настоящее время не усматривается неосторожных деяний в экономической сфере, которые требуют криминализации.)

2. Прямой и косвенный умысел. По сравнению с первой из обозначенных данная проблема более активно обсуждается в литературе в связи с материальными составами преступлений в сфере экономической деятельности. Большинство авторов придерживаются классического подхода, указывая на то, что в случае использования законодателем в составе признака «крупный ущерб» возможен как прямой, так и косвенный умысел: к примеру, в ст. 171 УК РФ «виновный осознает осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации..., предвидит неизбежность или возможность причинения осуществлением такой деятельности крупного ущерба... и желает причинить этот вред или сознательно его допускает»²; вина в ст. 195 УК РФ характеризуется прямым или косвенным умыслом³ и т.д. Допуская возможность косвенного умысла, специалисты начинают оговариваться об отлич-

¹ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 104.

² Российское уголовное право: учеб. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. М., 2007. С. 231–232.

³ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2007. С. 249.

ных целях действий лица (т.е. о том, что причинение крупного ущерба не является целью), о сложной структуре объективной стороны некоторых составов преступлений и необходимости отдельного установления психического отношения к деянию и его последствиям и т.д., что влечёт усложнение понимания субъективной стороны состава и с неизбежностью запутывает практику, предпочитающую (оставляя в стороне то, плохо это или нет) всё-таки менее запутанные конструкции.

Вместе с тем это не единственная из возможных точек зрения, и в последние годы всё большее распространение получает позиция, согласно которой в указанных составах возможен только прямой умысел. Обосновывается это тем, что в преступлениях в сфере экономической деятельности, характеризующихся наступлением последствий в виде крупного ущерба, «вид умысла... определяется волевым отношением не к этому признаку, который предназначен всего лишь для ограничения преступления от иных правонарушений..., а к действиям, характеризующим объективную сторону соответствующих преступлений и в концентрированном виде выражающим их общественную опасность. ...В случаях, когда предусмотренное законом последствие играет роль признака, *отграничивающего* преступление от иных правонарушений либо *дифференцирующего* ответственность, умысел должен признаваться прямым, если он был направлен на совершение *заведомо незаконных* действий (бездействия), характеризующих юридическую сущность преступления и выражающих его общественную опасность, т.е. если виновный желал совершить эти действия. Иными словами, безусловным показателем прямого умысла следует признать осознание лицом *противоправного характера совершаемого деяния*¹.

Критикуя данный подход, И.А. Клепицкий отмечает, что «такая концепция не основана на принципе вины и противоречит закону (в частности, ст. 25 УК). ...К “количественным” характеристикам

¹ *Рарог А.И.* Указ. соч. С. 93–94.

можно отнести лишь размер причиненного вреда, но не сам факт его причинения. Да и размер причиненного вреда, если законодатель связывает с ним наступление уголовной ответственности, нельзя рассматривать в качестве чисто количественной характеристики. Тут количество превращается в качество, а административное или иное правонарушение — в преступление»¹.

Однако *argumentum ad legem* в данном случае лишь скрывает суть проблемы, которая носит двойственный характер: с одной стороны, законодатель часто бездумно создаёт так называемые «искусственные» материальные составы в главе 22 УК РФ; с другой стороны, на эти составы «механически» переносятся формулы прямого и косвенного умысла из ст. 25 УК РФ. «Материализация» составов преступлений в сфере экономической деятельности имеет под собой вполне понятное основание: тем самым создаётся грань, отделяющая УК РФ от КоАП РФ. Но примечательно, что во многих составах главы 22 УК РФ законодатель параллельно использует признак дохода, размера, задолженности в крупном размере, тем самым, во-первых, признавая, что общественная опасность преступления заключена не в последствии, а в деянии, и, во-вторых, что установление и доказывание крупного ущерба и требуемой причинно-следственной связи может быть сопряжено с известными сложностями, для чего им предлагается альтернатива формального состава. Стоит ли в таком случае слепо следовать догмам ст. 25 УК РФ, конструируя нежизнеспособную формулу косвенного умысла?² Вдаётся ли суд в редких случаях вменения

¹ См.: Клепицкий И.А. Указ. соч. С. 71–72.

² В затронутом отношении нельзя не отметить отрицательную роль действующей редакции УК РФ, «перенасыщенной» теоретическими определениями, в определённой мере сковывающими свободу доктринальной мысли. Не случайно европейские законодатели избегают «перегружать» Общую часть уголовного закона доктринальными построениями, оставляя простор судебной практике и теории уголовного права. К примеру, в Уголовном уложении Германии вине посвящен только один параграф, 15, который функционально соотносится со ст. 24 УК РФ.

Н.Д. Сергеевский в этой связи так писал об Уголовном уложении Великого княжества Финляндского 1889 г.: «Типичною чертою Финляндского Уложения является отсутствие в нем теоретических определений и общих понятий, составляющих предмет научной разработки. Текст Уложения старается давать лишь правила, подлежащие практическому приме-

экономического преступления, повлекшего причинение крупного ущерба, в реальное обсуждение вопроса об интеллектуальном и волевом отношении к наступившим последствиям или ограничивается простым указанием на доказанность умысла в отношении последствий исходя из доказанности осознанного совершения преступного деяния и наличия причинно-следственной связи между последним и наступившим последствием?

Таким образом, в материальных составах главы 22 УК РФ, где последствия в виде крупного ущерба, тяжких последствий ограничивают деяние от административного правонарушения или создают квалифицированный состав преступления, умысел может быть только прямым, сводясь к осознанию общественной опасности совершаемого действия (бездействия) и желанию его совершения; возможность же наступления предусмотренного законом последствия должна всего лишь осознаваться (предвидеться) виновным как неисключенная вне аспекта желания (нежелания) его наступления.

3. *Ошибка в противоправности.* Данная проблема связана с выделением, с одной стороны, уголовной противоправности и, с другой — регулятивной противоправности и приданием последней уголовно-правового значения. Это означает, что принцип *ignorantia iuris neminem excusat* неприменим в ситуации, в которой лицо добросовестно уверено в законности своих действий с точки зрения норм иных (неуголовных) отраслей права, хотя и осведомлено о существовании уголовно-правового запрета, приложимого к данной ситуации в случае ее незаконности.

нению, установление же общих юридических понятий предоставляется теории и судебной практике. Этим Финляндское уложение выгодно отличается от многих новейших законодательных работ, заполняющих иногда кодексы формулами теоретического свойства и происхождения, нередко весьма спорными по существу. ...Составители не гонялись за новинками, не увлекались стремлением сказать “последнее слово науки”; они имели в виду лишь практические жизненные цели» (см.: *Сергеевский Н.Д.* Финляндское уголовное уложение и относящиеся к нему узаконения. СПб., 1907. С. 14).

К сожалению, российский законодатель не учитывает выгоды такого подхода, стимулирующего развитие судебной практики и теории уголовного права.

И.А. Клепицкий указывает, что общие положения о юридической ошибке здесь не годятся: «...В подобных ситуациях “не освобождает от ответственности” лишь “незнание” уголовного закона... Сложнее обстоит дело с незнанием хозяйственного законодательства, к которому отсылает уголовный закон... Опасность подобных деяний существует исключительно в связи с неисполнением предписания или нарушением запрета, предусмотренного хозяйственным законодательством. Поэтому сам факт неисполнения предписания (нарушения запрета) входит в содержание объективной стороны преступления (деяния). Его осознание является необходимым условием осознания общественной опасности деяния»¹. При этом он подчеркивает сложность разграничения норм уголовной и иной отраслевой принадлежности, в особенности в связи с бланкетными диспозициями².

Не используя терминологию «ошибок», И.В. Шишко соглашается придать незнанию запретов, к которым отсылают бланкетные диспозиции главы 22 УК РФ, уголовно-правовое значение, хотя во многом ее анализ сводится к ситуациям незнания запрета именно в его уголовно-правовой составляющей³.

Схожа с этой точкой зрения и позиция Б.В. Волженкина, включавшего сознание противоправности в содержание умышленной формы вины при совершении преступлений в сфере экономической деятельности⁴.

По мнению П.С. Яни, соглашающегося придавать ошибке в рассматриваемой ситуации уголовно-правовое значение, «особенность фактической ошибки при совершении преступлений в сфере экономики связана с тем, что соответствующее деяние состоит преж-

¹ Клепицкий И.А. Указ. соч. С. 64–65.

² См.: Там же. С. 65–66.

³ См.: Шишко И.В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 273–291.

⁴ См.: Волженкин Б.В. Некоторые вопросы общей характеристики преступлений в сфере экономической деятельности по Уголовному кодексу Российской Федерации // Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб., 2008. С. 627–628; Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. В 5 т. Т. III: Преступления в сфере экономики. СПб., 2008. С. 372.

де всего в нарушении действием либо бездействием нормативно установленного порядка поведения. ...Поэтому при фактической ошибке неверное восприятие имеющих значение для квалификации обстоятельств, превращающее в сознании лица объективно неправомерное деяние в преступное, часто невозможно без ошибки относительно неуголовно-правовой противоправности совершаемых действий (бездействия)»¹.

Итак, в данном случае имеет место фактическая ошибка, точнее, фактическая ошибка относительно неуголовного права. Соответственно, следуя господствующему в литературе мнению, поскольку осознание незаконности деяния в смысле нарушения норм иной отраслевой принадлежности является необходимой составляющей осознания общественной опасности совершенного деяния в законодательных формулах форм вины, постольку неосознание регулятивной противоправности следует расценивать по правилам *error facti*.

Так, к примеру, в составе неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ) для наличия прямого умысла виновный обязательно должен осознавать гражданско-правовую (хозяйственно-правовую) противоправность своего деяния, т.е. несоответствие совершаемых действий законодательству о банкротстве. Неосознание гражданско-правовой противоправности (вследствие, например, добросовестной уверенности в правомерности действий, наличия неотмененного решения арбитражного суда или суда общей юрисдикции, признающего, говоря в целом, правомерность действий) влечет отсутствие состава преступления за отсутствием вины. При этом добросовестную уверенность в правомерно-

¹ Яни П.С. Квалификация экономического преступления при юридической и фактической ошибке // КонсультантПлюс, ¶ 62 (Законность. 2011. № 6).

В другой работе П.С. Яни прямо указывает: ...без осознания неуголовно-правовой противоправности деяния, объективно противоречащего налоговому законодательству, невозможно осознание общественной опасности налогового преступления. А без такого осознания деяние нельзя считать умышленным (см.: Яни П.С., Мурадов Э.С. Субъективные признаки налоговых преступлений: позиция Пленума Верховного Суда РФ // КонсультантПлюс, ¶ 39 (Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 3).

сти действий следует отличать от, к примеру, простой оценки своих действий как правильных, социально обоснованных и т.п. Так, если лицо, будучи несогласным с решением арбитражного суда, подлежащим немедленному исполнению, решает его обжаловать, а до этого времени не исполняет такое решение (например, не передает в течение трех дней с даты утверждения арбитражного управляющего бухгалтерскую и иную документацию должника, печати и штампы, материальные и иные ценности последнему, не пускает последнего на предприятие), при наличии иных признаков состава преступления можно говорить о преступности таких действий, поскольку совершаются они с прямым умыслом.

Признание за фактической ошибкой относительно неуголовного права уголовно-правового значения усматривается и в судебной практике. Так, в деле Б. он был осужден по ч. 1 ст. 148¹ УК РСФСР 1960 г. (ч. 1 ст. 166 УК РФ). Как установлено приговором суда, Б. завладел автомашиной и пользовался ею, полагаясь на разрешение своего знакомого С. и считая, что она принадлежит сестре или жене последнего. С. в судебном заседании, в свою очередь, подтвердил, что Б. помогал ему ремонтировать эту автомашину, и по его просьбе он разрешил ему взять ее на два дня и дал техпаспорт. Иными словами, Б. добросовестно полагал, что он вправе воспользоваться автомашиной по разрешению С., т.е. совершил ошибку относительно неуголовного права, исключаящую в данном случае умысел в совершении преступления. И хотя в постановлении президиума Московского городского суда, прекратившего в отношении Б. уголовное дело, данный момент не получил своего должного прояснения, само по себе решение нельзя не признать правильным¹.

Вместе с тем вслед за признанием юридической значимости рассматриваемой ошибки с неизбежностью возникает сложная процессуально-правовая проблема. Ее истоки лежат в традиционной для России специализации судебной системы. Иными словами,

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 4. С. 15.

если вопрос об уголовной противоправности деяния решается судами общей юрисдикции, то регулятивная противоправность в контексте ее осознания часто зависит от оценки действий как законных или незаконных иным судом, при этом, как правило, арбитражным. Соответственно, то, что получило оценку как действия законные с точки зрения «цивильного» суда, вполне может оказаться незаконным с точки зрения суда «уголовного», поскольку оба суда свободны и независимы в оценке доказательств и применении норм закона. В идеале такая ситуация не может иметь места, поскольку означает конфликт равных по своему авторитету и властным полномочиям судебных органов. На практике же, к сожалению, такие случаи не редкость, и эта проблема, решение которой законодатель попытался найти в 2009 г., внося изменения в ст. 90 УПК РФ, требует отдельного рассмотрения.

Изложенные в настоящей статье соображения, конечно же, не исчерпывают всего комплекса проблем, связанных с виной в составах преступлений в сфере экономической деятельности. Однако именно они явственно показывают неудачность ряда законодательных решений и необходимость доктринального переосмысления сложившихся теоретических представлений.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Безверхов А.Г., Розенцвайг А.И.</i> Злоупотребление доверием как имущественное правонарушение в уголовном праве России: историко-правовой анализ	3
<i>Благов Е.В.</i> О неопределенности составов преступлений в сфере экономической деятельности	34
<i>Головниенков Павел.</i> Запрещённая манипуляция рынком в Германии	47
<i>Есаков Г.А.</i> Вина в преступлениях в сфере экономической деятельности (о некоторых проблемах)	53
<i>Жалинский А.Э.</i> Уголовно-экономическое право: проблематика определенности закона (российские и немецкие взгляды)	64
<i>Жубрин Р.В.</i> Совершенствование применения уголовно-правовых средств борьбы с легализацией преступных доходов в России	82
<i>Иванчин А.В.</i> Построение составов экономических преступлений в УК ФРГ с помощью приема <i>regelbeispiele</i>	88
<i>Маликов С.В.</i> Обстоятельства времени и сроки в конструкции составов преступлений в сфере экономики	96
<i>Молчанов Д.М.</i> Хищение и незаконная рубка лесных насаждений: возможна ли квалификация по совокупности	106
<i>Морозова Ю.В.</i> К вопросу об объективной стороне преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ	117
<i>Нерсесян В.А.</i> Манипулирование ценными бумагами	127
<i>Орешкина Т.Ю.</i> Гуманизация положений главы 22 Уголовного кодекса РФ как современное направление уголовной политики	139
<i>Серебренникова А.В.</i> Имущественные преступные деяния по УК Германии: система и общая характеристика	149
<i>Середа И.М.</i> Совершенствование уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за незаконное предпринимательство	166

<i>Титова В.Н.</i> Состояние и тенденции развития уголовного законодательства России	174
<i>Устинова Т.Д.</i> Уголовно-правовая охрана тайны в сфере экономической деятельности	189
<i>Хелльманн Уве.</i> Запрещённая торговля ценными бумагами с использованием инсайдерской информации в Германии	206
<i>Штаге Диана.</i> Уголовно-правовое значение фиктивных сделок с акциями в Германии	213
<i>Албегов А.Б.</i> Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, и должностное лицо как специальные субъекты преступлений, совершаемых в процессе деятельности юридических лиц	224
<i>Журавлёва Н.М.</i> Предшествующее преступление как криминообразующий признак в составах легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем	236

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: РОССИЙСКИЙ
И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ**

*Материалы III совместного российско-
германского круглого стола*

Редактор И. Дмитриева
Корректор Г. Иванова

Подписано в печать 19.12.11. Формат издания 60 x 84/16.
Печ.л. 15,5. Тираж 1000 экз. Заказ